

не палкой и не пальцем

сборник прозы Андрея Бычкова

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Андрей Бычков — литератор со стажем: его пьеса ставилась на Бродвее, он был номинантом «Букера» и финалистом «Антибукера», а также удостоился лавров на конкурсе русской литературы в Интернете «Тенета-Ринет 99». Писателем, однако, движут бунтарские настроения и неукротимое желание поведать о тайнах бытия, профанированных постмодернизмом, что продемонстрировано в новой книге.

Книга Андрея Бычкова «Дипендра», включающая одноименный роман и несколько рассказов, открывается комплиментарным предисловием Юрия Мамлеева. Творчество Бычкова названо здесь «уникальным и крайне интересным явлением в современной русской литературе», а роман оценен как повод «поздравить автора и русскую литературу с новой победой». После таких громких рекомендаций преисполняешься самыми большими ожиданиями — ведь это выбор не абы чей, а гуру и тайновидца, чья духовная зоркость может сравниться только с его же писательской мощью. Да и сами тексты Бычкова, появившиеся ранее, убеждали в его способности покорить (хотя бы в будущем) вершину, возделенную для многих.

Эту вершину можно определить как новый и незанудный реализм, нагруженный

внятными и при этом неопостылевшим идеологическим содержанием. Если исходить из подобной цели, то ликовать по поводу «Дипендры» не приходится. Реализм Бычкова не то чтобы такой уж занудный, но уж точно не новый. Герой «Дипендры» интересен, но интересен прежде всего своей типичностью. Не очень яркий и не очень везучий юноша, дитя мятежных 1990-х, переживает всплески мрачной гордыни и борется с мужскими комплексами на фоне таких характерных примет времени, как газета «Лимонка» (в которую он пишет) и возможность учебы в Америке (которую он и использует, правда, больше увлекаясь посещением порнозаведений).

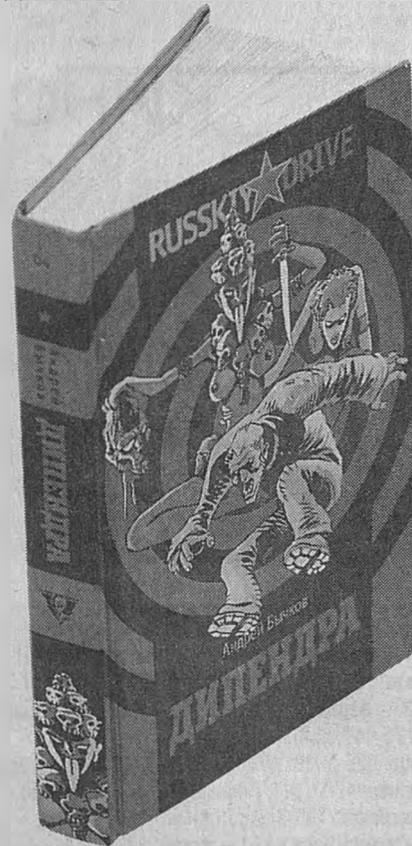
Впрочем, в центре сюжета — события, однозначно характеризующиеся в категориях экзотического, мистического и экстремального. Вместе с возлюблен-

ной герой едет в Непал, чтобы наглядно продемонстрировать ей свое знакомство с наследником непальского престола Дипендрой, чьим приятелем он стал в Америке. Но после того как принц неожиданно расстреливает всю свою семью (такой эпизод действительно имел место в Непале в 2001-м, Дипендра — реальный персонаж), героя обвиняют в магическом влиянии на престолонаследника и в конечном счете в самом убийстве. Развязка же и вовсе уводит в область магии: казнь, которая назначена герою, представляет собой многозначительный ритуал посвящения, после которого в загробном мире становятся богами. Тем не менее проза Бычкова остается скорее традиционно психологической, нежели магической (контраст с Мамлеевым, например, весьма велик), а в плане психологизма Бычков может предложить только то, что и любой современный писатель с неплохой реалистической хваткой.

Более любопытны, пожалуй, те линии романа, которыми намечен выход в «неориентальные» культурные области. Это — та же психология и даже психиатрия (герой излагает богатому психиатру свои сокровенные переживания, получая взамен деньги на поездку в Непал), а также индивидуальная еретическая религиозность (герой склонен к совершен-

нию особого рода ритуалов), левая идеология и несколько фрейдистская фиксация на детском сексуальном опыте. Особняком стоит декларативное «антишестидесятническое семидесятничество», носителем которого предстает отец героя. Однако, вопреки предисловию, ничего уникального во всем этом нет, и одной из самых своеобразных черт романа остается намеренно утяжеленный синтаксис.

Бычков — из тех, кто громко и яростно противопоставляет себя постмодернизму и интеллигентщине, считая, что писать надо, так сказать, не холодным стилем, а кровью. И это в большей степени удается ему в рассказах, нежели в романе. Некоторые из них даже заставляют серьезно прислушаться к словам Юрия Витальевича. Здесь много хорошо поданного невеселого гротеска и внушительной темной мистики в духе того же Мамлеева, Леонида Андреева и даже Ремизова. Но бороться с постмодернистами и интеллигентами у Бычкова явно не получается. Он либо ломится в открытые двери (как в вызывающем недоумении рассказе «Мат и интеллигенция»), либо отождествляется со своими противниками, так как самые удачные языковые находки Бычкова представляют собой постмодернизм в чистом виде.



Андрей Бычков. Дипендра. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. — 400 с.